

К Р О К О Д И Л

№ 29 МОСКВА 1943

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

K 556/43r

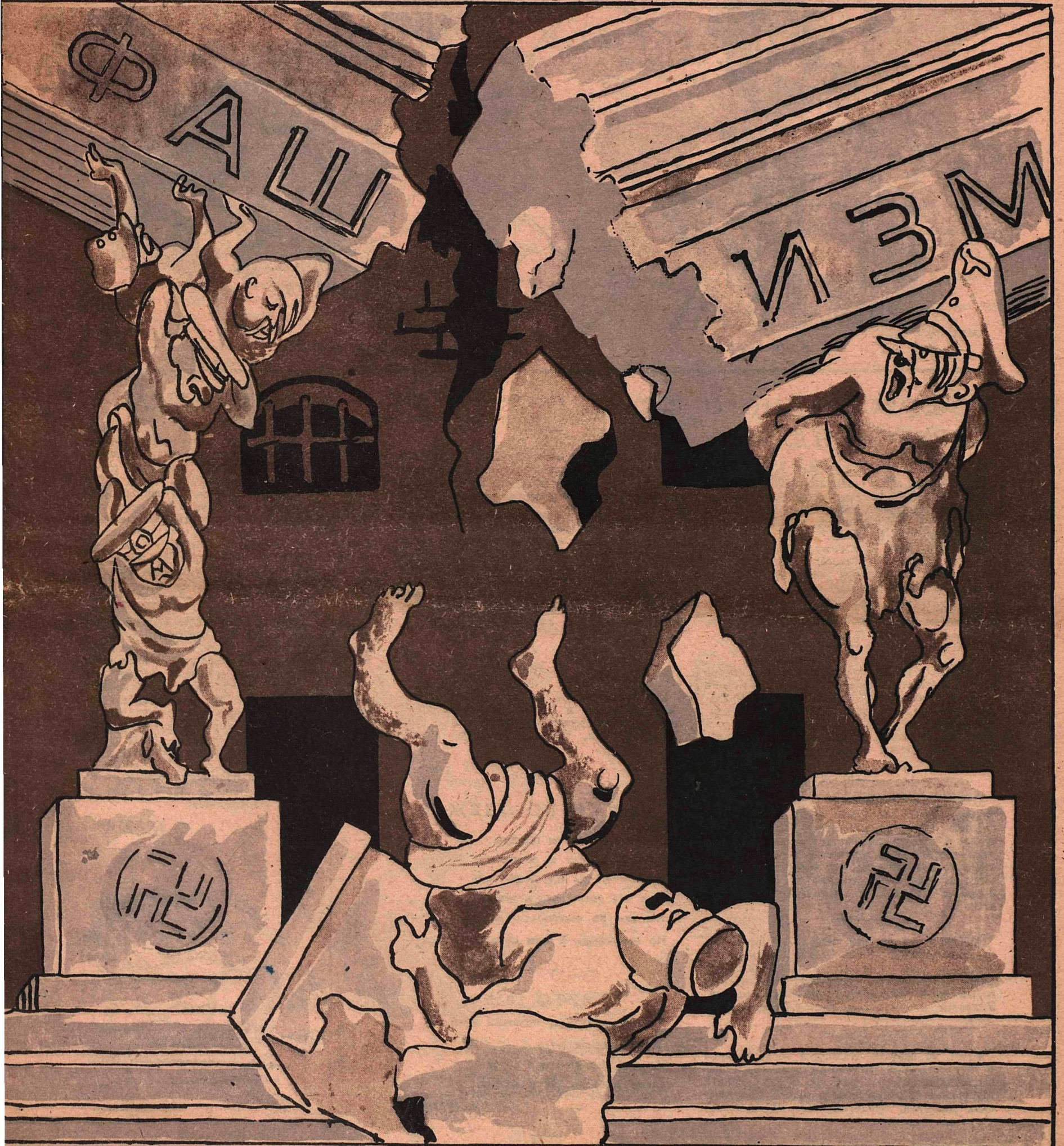

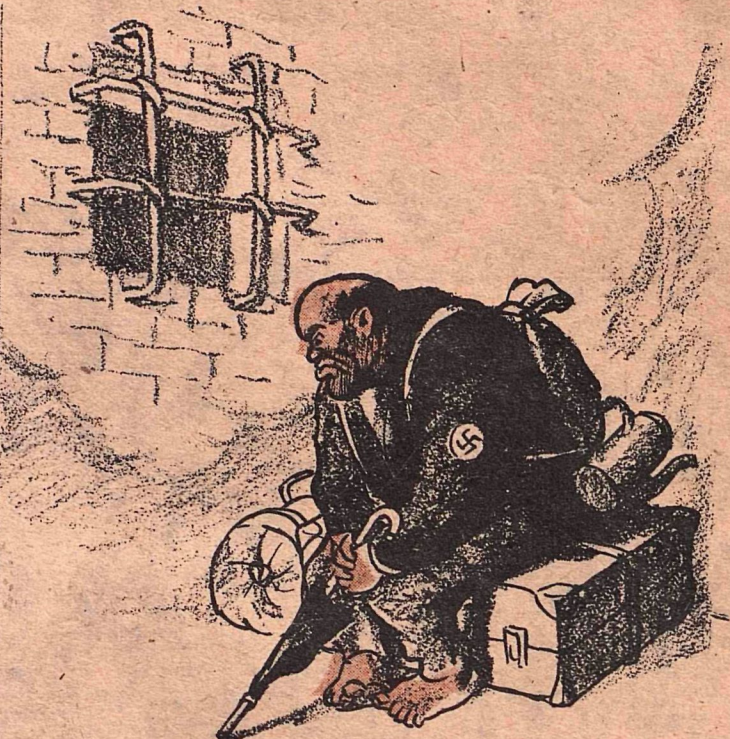
Рис. Л. Бродаты.

Здание, сильно пострадавшее в результате мощных толчков в районе Орла, Белгорода и Сицилии.

Кому Орёл...

... а кому решотка.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

БЕРЛИН, 7 августа (замедлена доставкой). Как сообщает германское информационное бюро, Гитлер послал германским частям, входящим в состав орловского гарнизона, приветственную

телеграмму, в которой благодарил их за успешную защиту города.

ПРИМЕЧАНИЕ. Телеграмма Гитлера возвращена за ненахождением адресатов в Орле.

БЕРЛИН, 25 августа. Известный немецкий радиокорментатор генерал Дитмар в своём очередном обзоре дал тонкий и глубокий анализ военного положения: он указал, что немцы никогда не отдали бы Орла, если бы русские его не взяли, и что единственной причиной отступления немцев явилось наступление русских.

СТАМБУЛ, 25 августа. Надвях немецкая газета «Донау пейтунг» сообщила, что последние мероприятия венгерских властей вызвали в стране «волну истерии». В связи с этим состоялось истерическое заседание венгерского правительства, на котором были приняты истерические решения по вопросу о борьбе с истерией на данном истерическом этапе.

МИЛАН, 25 августа. Вчера в Милане состоялась дружественная встреча видных фашистских деятелей синьоров Макарони, Удиратти, Мерзоцци с представителями местного населения. Вынос тела синьоров Макарони, Удиратти и Мерзоцци состоялся в тот же день.

РИМ, 25 августа. Надвях в очень шумной и торжественной обстановке отмечалось шестидесятилетие со дня рождения Бенито Муссолини. Присутствовало много политических деятелей, представителей науки и ис-

кусства. Розыски именинника не дали никаких результатов.

БЕРЛИН (дата неразборчива). Надвях берлинское радио сообщило: «Русские настолько ослабили в последних боях, что не в силах догнать отступающие немецкие части».

В связи с этим в немецких газетах появился ряд статей, в которых говорится, что наступление русских — это победа германского командования. Русские, потерпев поражение, заняли Орёл и приближаются к Брянску. Немцы, одержав победу, бежали из Орла, Белгорода. Русские, одержав ещё одно поражение, заняли Спас-Деменск. Немцы, потерпев ещё одну победу, оставили ряд городов на Украине.

КИЕВ, 25 августа. В связи с ликвидацией бегового сезона в Орле и Белгороде немецкие рысистые испытания перенесены в район Харькова, Сум, Полтавы и других городов Украины.

НОЖКИ ПО ОДЕЖКЕ

В ночи ему явился Цезарь.
Пришёл, увидел и отрезал:
— В моей вы щеголяли тоге
И в ней запутались в итоге.
Но вам не выпутаться, дуче,
Не примеряли б тоги лучше!

ЛЕТО 1943

Рвалась шрапнель, свистели пули,
Стояла летняя пора,
Но для захватчиков в июле
Стоял декабрь уж у двора.

В. ГРАНОВ.

СТРАННЫЙ КЛИМАТ

В ОЕТ вьюга, снег кружится, хлопья несутся по льду. По сугробам мчатся фрицы, замерзая на ходу. А вослед фашистским стервам хлещет наш советский гром...

Так бывало в сорок первом. Было так в сорок втором. Одолев сугроб пушистый и от стужи не дрожа, так лупили мы фашистов, что бросало немца в жар. Но, закутавшись в эрзацы, в тёмных недрах штаб-квартир крепко битые мерзавцы голосили па весь мир: «Фронт ничуть не отодвинут! Мы устойчивы весьма! Это просто русский климат, это русская зима!»

Жарким летом в сорок третьем Гитлер вновь пошёл в поход. Ох, не знал он, как мы встретим бронированный налёт! Хищным гадам зубы выдрав, в обороне боевой сняли мы с фашистских тигров шкуру вместе с головой. И фашисты задрожали, вспомнив ужасы зимы, и фашисты побежали, и пошли в атаку мы!

Сыплет град, не уставая, воеет вьюгою шрапнель, закружилась огневая орудийная метель. Снова «мглою небо кроет» наша русская пурга, снова русские герои налетают на врага. Всё на зиму так похоже, что у фрица в жилах лёд, и бежит мороз по коже, и бежит фашистский сброд...

Руки вверх враги поднимут — пленных масса, мёртвых тьма... Что за странный русский климат! Что за жаркая зима!

С. БОЛОТИН

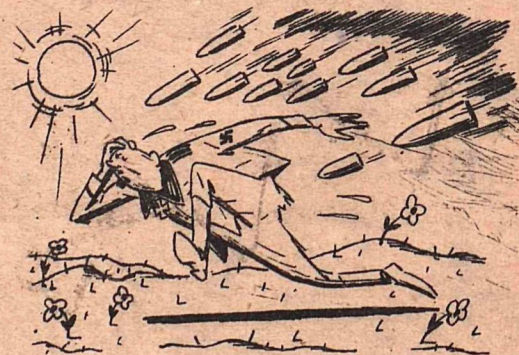

Рис. Г. Валька

Большой шлем

КОМАШЕВЫМ приехал с фронта их сын Миша, кавалерийский офицер. Никто не ждал его: всего два дня назад было от него письмо, он ничего не писал о приезде. Мы пили чай, когда в передней раздался звонок.

Отец, мать, сестрёнка Катя, братишка Сенька повисли на Мише, они рвали его друг у друга из рук: Миша ушёл в армию на действительную службу ещё до войны и с тех пор не приезжал: война застала его на западных границах.

Когда, наконец, Миша умылся и переоделся, когда сели за стол, все стали наперебой забрасывать гостя расспросами о войне, о боях, о немцах. Десятилетний Сенька, сам в душе полковник кавалерии и дважды Герой Советского Союза, не давал брату покоя:

— А сам ты рубал? Если сам рубал, хвалю!

Катя и две её школьных подружки в молчаливом оцепенении пожирали старшего лейтенанта глазами.

— Позовите Зину! — сказала между тем Александра Александровна. — Пусть придёт немедленно! С Лапчиком!

Но Зину, сестру Миши, уже известили. Она была у соседней и тотчас же прибежала повидать брата.

— Как ты вырос, Мишка! Как ты вырос! — не переставала она восклицать. — Как ты вырос, Мишка! Какой ты большой стал!

— От такой и слышу! — ласково оборвал сестру Миша. — Сама, небось, выросла! Да ещё мамашей стала!.. Ну, покажи своего рябчика!

— Не рябчика, во-первых, — обиделась Зина. — Не рябчика, а Лапчика!

Её сын Борис, иначе называемый Лапчик, — молодой человек двух с половиной лет, белобрысый, голубоглазый и курносый.

— Он с головы до ног курносый, — говорит про него дед Борис Сергеевич. — Даже совершенно непонятно, почему я его обожаю.

Малыш стоял в сторонке и во все глаза смотрел на дядю, на его орден, на погоны, на шпоры.

Миша взял его на руки:

— Ну давай познакомимся!

— Я военный! — неуверенно и даже робко прошептал Борька.

— Ах, так? — сказал Миша. — Тогда я тебе сделаю подарок соответственно чину и званию.

Он поставил малыша наземь, пошёл к своему чемодану и достал оттуда кобуру от миниатюрного револьвера.

— Это тебе один немецкий генерал просил передать. Сам он больше стрелять не будет. Раздумал.

Кобуру надели Борьке на пояс. Малыш был потрясён. Прошло не меньше двух минут, пока он обрёл дар речи.

— Я военный! — закричал он во весь голос. — Ура-а-а!

Сенька взволновался. Он смотрел на племянника с завистью, которую трудно было скрыть.

— Немецкая кобура? Да? Сам отобрал? Расскажи! — почти задыхаясь, говорил он старшему брату.

— Погоди!.. — ответил Миша. — Тут и для тебя кое-что есть!

Он полез в чемодан и достал оттуда немецкий ракетник, правда, не совсем исправный, но вполне пригодный для Сеньки, которому для военных операций во дворе дозарезу не хватало автомата, или миномёта, или чего-нибудь в этом роде.

— На, воин! Это тебе! Тоже немец один послал. «У вас, — говорит, — герр лейтенант, братец Сенька голубей гоняет, и очень ему нужно оружие. Я из самой Вестфалии для него эту штуку вёз. Пожалуйста!» И отдал. Мне — ракетник, а богу — душу. Почти одновременно.

Пока Сенька рассматривал и прилаживал ракетник к животу на подобие автомата, лейтенант продолжал рыться в чемодане. Вскоре он извлёк оттуда громадный немецкий шлем, с рожекми и горбоносными орлами, похожими на чортиков.

— Во! — сказал Миша. — Этот немец был эсэсовец. Он два раза терял голову в Советском Союзе. Один раз — от восторга. Второй

раз — от сабельного удара. Его один мой боец стукнул... Хорош шлем? А?

Сенька смотрел на шлем горящими глазами.

— Давай! — прошептал он. — Давай!

Он уже держал шлем в руках, когда раздался голос Бориса Сергеевича:

— Надевать не надо.

Сенька растерянно взглянул сначала на отца, потом на брата.

После небольшой паузы Борис Сергеевич сказал:

— Чорт его знает, какой мерзавец таскал это на своей башке!.. Лучше поставь его на кухню... Для мусора...

Вдруг кто-то обратил внимание на Лапчика. Лицо малыша приняло напряжённое, сосредоточенное и несколько испуганное выражение.

— Лапчик! — воскликнула Александра Александровна. — Скорей, Зина! Сеня! Живей!

Зина убежала, крича на бегу:

— Борька, подожди минуту!

Но пока она вернулась, дело разрешилось другим и несколько неожиданным образом.

Повинуясь, не знаю, какому чувству, Сенька придвинул Лапчику немецкий шлем. Вокруг курносого носика стянулось несколько складок, носик поднялся кверху, глазёнки наполнились чувством облегчения: Лапчик был доволен, что дело обходилось без лужи на полу и без лишнего криков и упреков матери и бабки. Он делал своё дело спокойно и уверенно.

— Вот это правильно! — обрадовался Борис Сергеевич. — Умница, Лапчик! Вот это — правильное отношение к посуде, в которой фашисты носят свои подлые башки. Объявляю в приказе по семейству благодарность Лапчику!

Он обратился к Мише:

— Спасибо, что привёз этот стальной горшок. Как раз Борька разбил свой!

Немецкий шлем с рожекми и орлами стоит у Лапчика под кроваткой.

ВИКТОР ФИНК

ПО СТОПАМ ДУЧЕ

— Что ты делаешь, Фриц?
— Подаю в отставку.

Рис. К. Елисеева

Летние побеги

ГЕРАКЛИТ когда-то сказал:
— Всё течёт, всё изменяется.

В наши дни первая часть этой формулы произносится иначе:
— Всё бежит...

Бегут дни. Бегут события.

Мечутся немцы по Германии: бегут с берега Рура на Одер, с Одера — к Дунаю, с Дуная — в бомбоубежище.

Скачут лёгкие на подъём итальянцы: бегут из Сицилии в Неаполь, из Неаполя — в Милан. А из Милана, сеньоры, куда? Уж дальше, кажется, и ехать некуда.

Сверкают немецкие пятки в солнечной Италии: немцы торопятся домой, захватив с собой в фатерлянд сняжки и грустные размышления.

С ними за компанию бегут, спасая свои подешевевшие шкуры, друзья и соратники уволенного дуче. Грабители и мошенники, они

пытаются хоть на время скрыться в гитлеровской постеличке.

Нашли, дураки, место, где прятаться!

Они, видимо, ещё не знают, что наднях фрау Геббельс в поисках петлеубежища для своего супруга побежала в Испанию: там она подыскивает виллу — «на всякий пожарный случай».

А приказчик Геринга побежал рысью в одну из европейских нейтральных стран, где покупает для своего хозяина имение на тот же «пожарный случай».

Всё бежит. Все бегут.

Сынок венгерского премьер-министра Каллаи сбежал в Турцию. Точно ещё не известно, с какой целью: или затем, чтобы отмежеваться от папаша («И пусть у гробового входа младая жизнь играет»), или же по прямому поручению папаша — для подыскания семейству Каллаи тихого пристанища, в стороне от шума новоевропейского.

Дал тягу из Словакии министр внутренних дел марионеточного правительства Мах. По слухам, этот Мах сбежал в Южную Америку. Словом, одним махом двух побиваю: и свою голову унёс и число уголовных элементов в Южной Америке увеличил на крупную единицу.

Драпают квислинговцы от Квислинга, перебегая оптом и в розницу в Швецию. В Швеции и в Норвегии одинаковый климат. Но квислинговские крысы чувствуют, что к норвежским шхерам приближается итальянская жара.

Всё бежит. Все бегут.

Бегут фрицы из-под Орла, из-под Харькова. Бегут пешком, на машинах, на «тиграх», на «фердинандах», на катафалках.

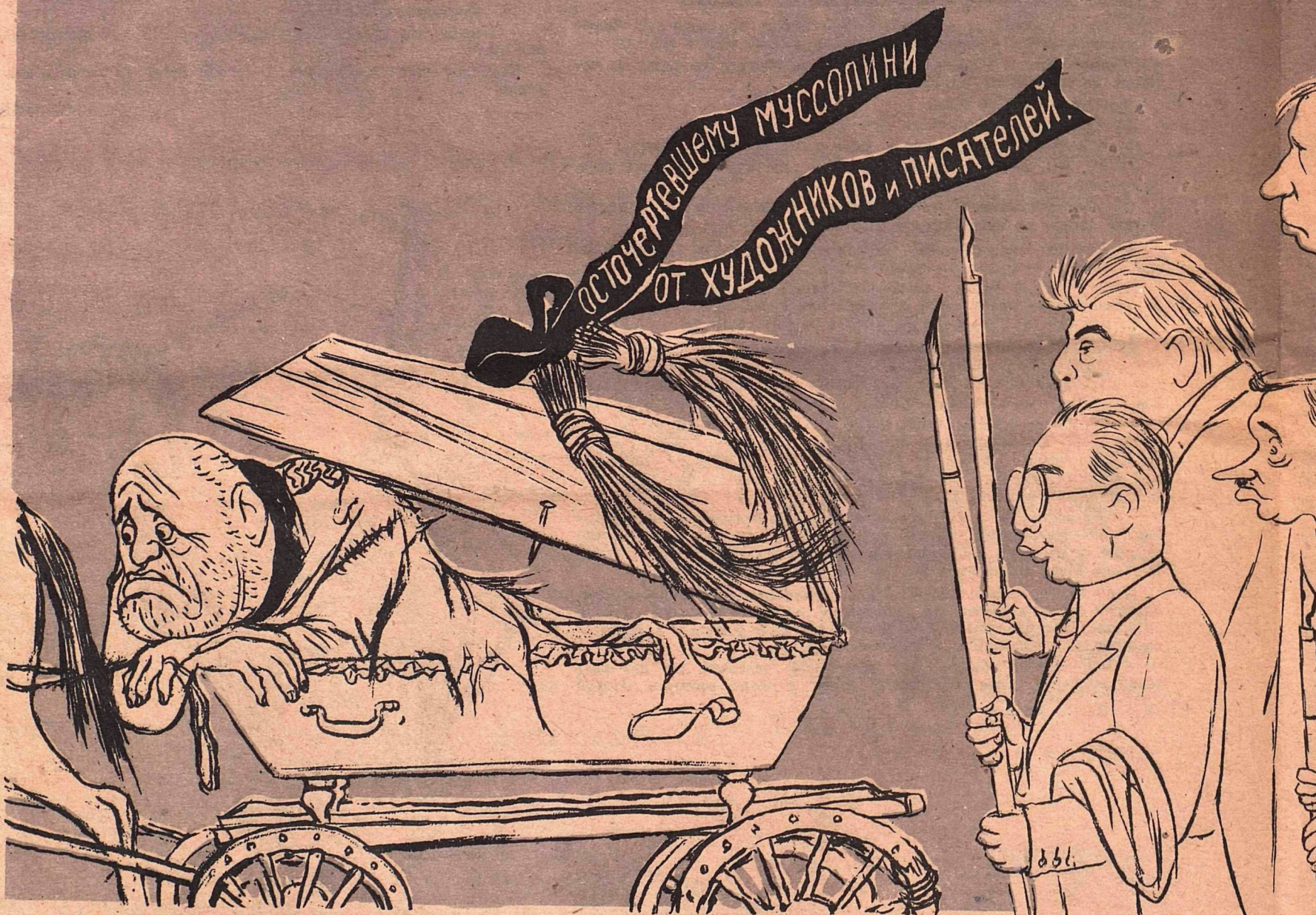
Бегут, и ещё шибче будут бежать!

А кроме всего прочего бежит время, и это — самое страшное для Гитлера!

Г. РЫКЛИН

Рис. Кукрыникисы

С В Е Р

СКОНЧАЛСЯ... Закатилось, как говорится, светлое солнышко. Перестало биться мерзкое сердце. Охладели губы, столь часто произносившие чорт знает какой вздор и чушь. Подохла мировая фигура на мировом небосводе.

Прекратила своё политическое существование личность поистине низкая и трагикомическая.

Двадцать лет мы, деятели пера и каран-

даша, растрчивали своё дарование на изображение сей личности. Двадцать лет не сходил с нашей бумаги лысый череп и тупой подбородок. И вот прервалась жизнь одного из главных персонажей наших комических работ. Потеряна тема. Потерян привычный заработок. Увы, нам грешным и окаянным!

Зри, читатель! Вот едет колесница с охладевшим телом дуче. Пусть не смущает тебя,

читатель, что сам дуче правит колесницей. Мы хороним его по четвёртому разряду.

Тихо плетётся клячонка. Тихо бредут за колесницей сотрудники газет и сатирических журналов.

Вот впереди других выступает художник Бор. Ефимов. Немало труда он положил, изображая покойника на всех этапах его жизни.

В ЧАС ПОЛНОЧНЫЙ

Залпов выцвели зарницы,
Танки русские ушли,
И лежат безмолвно фрицы
По расщелинам земли.

Но один, по-швабски точный,
Фриц, убитый наповал,
Вышел в поле в час полночный,
И домой он мёртвых звал.

Встали. Строятся. Давно ли
Шли, победами хвалясь?
Хорошо перемололи
Наши танки эту мразь.

Сам убитый генерал,
Повести их пожелал:
Да куда! От генерала
Вообще осталось мало.

Герр фельдфебель попытался
Козырнуть ему—увыл!—
На плечах не доискался
Обер глупой головы.

Берега раздельны летом...
На пологом и крутом—
Полполковника—на этом,
Полполковника—на том.

Где тут рёбра, где ключицы,
Кто фельдфебель, кто капрал,
Кто тут гансы, кто тут фрицы,
Чтобы чорт их всех побрал!

Нет, в спасенье вы не верьте,
Не собрать вам всех костей,
Не бывать и после смерти
Вам на родине своей,—

И живыми не вернуться!
Здесь и сгинете навек,
И над вами вновь сомкнутся
Волны трав, раздолья рек!

Д.М. ЧЕТВЕРИКОВ.

МЕТКИМ УДАРОМ

(По столбцам красноармейской печати)

ОТВЕТ ПО СУЩЕСТВУ

— Герр Мольке, чем вы объясняете подавленное настроение наших солдат?

— Осмелюсь доложить, господин генерал, русской артиллерией. Она подавляюще действует не только на наши огневые точки, но и на солдат!

(«Красное знамя».)

ТО, ДА НЕ ТО...

— Ганс, если мы в море встретимся с превосходящими силами противника, что мы сделаем?

— Мы на грот-мачте поднимем флаг и...

— Понимаю: и будем драться, пока нас не потопят...

— Нет, зачем же! Флаг-то можно поднять белый...

(«Красный Балтийский флот».)

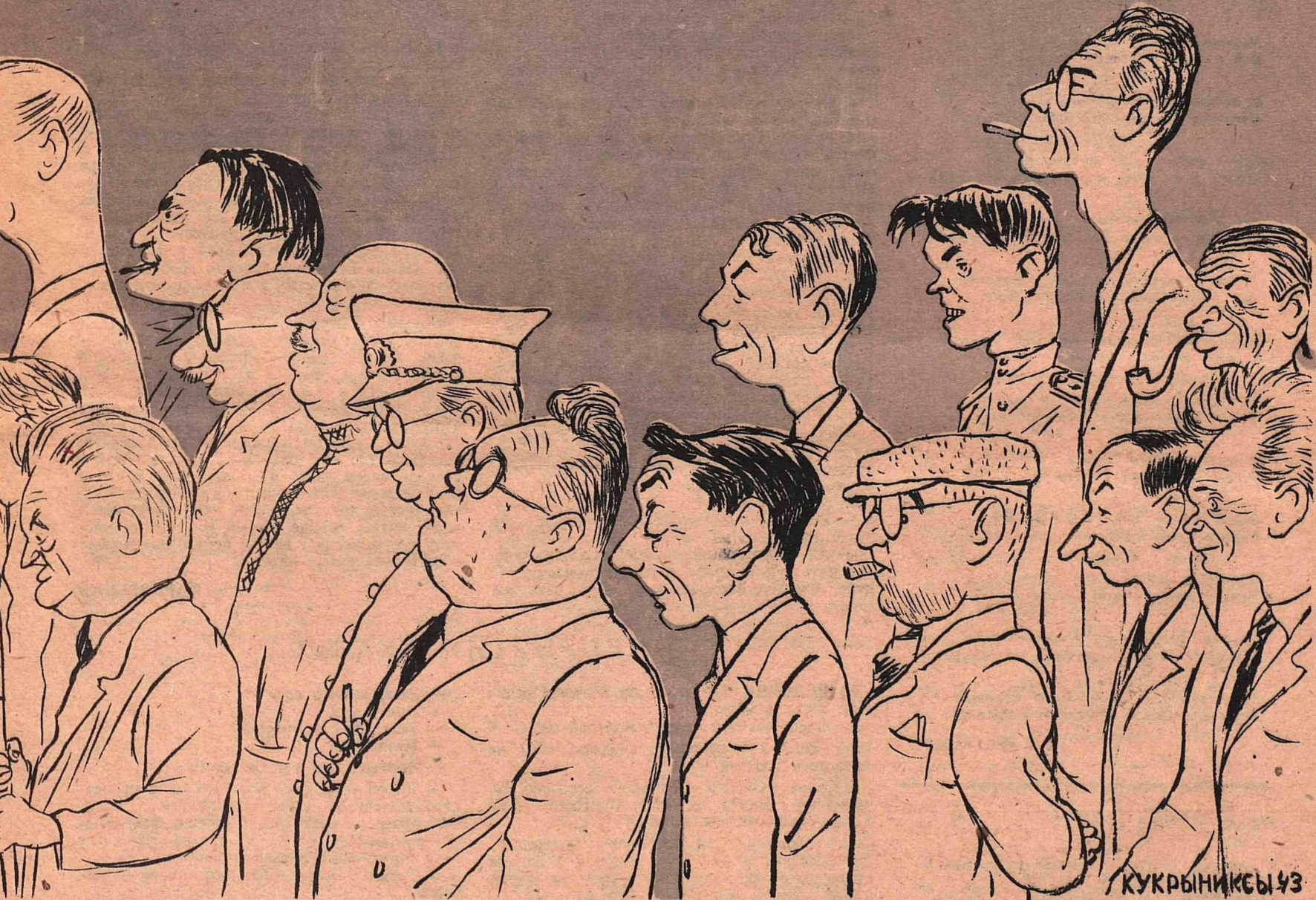
НОВАЯ ТАКТИКА

— Для чего немецкий генерал заставляет маршировать своих солдат задом наперёд?

— А для того, чтобы солдаты не догадались, наступают они или отступают!

(«Красный Балтийский флот».)

ШИЛОСЬ...

КУКРЫНИКСЫ 43

За ним идут писатель Илья Эренбург и художники М. Черемных, Дени и Моор, у которых с покойником старые счёты.

Дальше скорбно шествуют В. Катаев, Д. Заславский, Демьян Бедный, Вас. Лебедев-Кумач и С. Маршак.

Пошатываясь от горя, бредёт Мих. Зощенко. За ним, печально улыбаясь, идёт художник Ю. Ганф.

— Ничего,— говорит он,— теперь я ещё

крепче налягу на Гитлера.

— А я на Антонеску,— вздыхая произносит художник Л. Бродяты, идущий рядом с Ганфом.

— А мне придётся налечь на Хорти,— говорит художник В. Горяев.

Шествие замыкают художники Кукрыниксы (М. Куприянов, П. Крылов и Н. Соколов) и К. Елисеев. Они ничего не говорят. Но всем ясно, что для них, как и для всех участни-

ков похоронной процессии, это одна из самых весёлых прогулок в жизни.

Медленно движется процессия.

А ну, гони, дуче, свою клячонку! Съезжай к чорту со страниц нашего журнала! Хватит!

Зам. коменданта журнала Крокодил
заслуженный деятель
М. М. КОНОПЛЯНИКОВ-ЗУЕВ

Рис. А. Каневского

— Как это ему удалось сдать бельё в стирку без мыла?
— О, он куда угодно без него влезет.

ТЯЖЕЛЫЙ ГРУЗ ВОЕННЫХ МУЗ

Многие пишут: «Родина-мать! Всё я готов для тебя отдать!»

И вопрошает Родина-мать: «Что же ты именно можешь отдать?»

«Всё я отдам тебе: музыку рифм (Кстати мне даже сподручней без них),

Не пожалей ни ритм, ни размер (Мне даже легче без них, не в пример),

Стану я плакать, рыдать, хохотать — Всё тебе в помощь, Родина-мать!

Буду читателя строчками потчевать: Длинная очередь, короткая очередь,

В голос поэзии врежу я жесть, Это и будет врагу моя месть,

В многообразии языка Втисну пыхтенье грузовика.

Всё я отдам тебе, Родина-мать, Только стихи поспевай принимать,

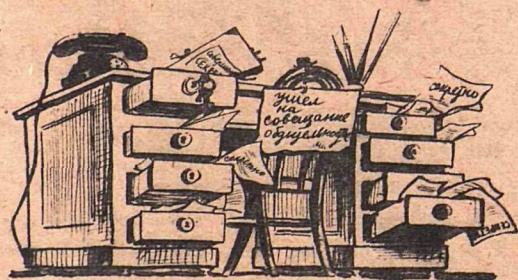
Только в поэтах меня содержи, Только печатай мои тиражи!»

Грустно задумалась Родина-мать: «Попусту доводов дальше не трать!

Грош отдашь, а целковый берёшь! Этак останусь в убытке я сплошь!»

Ник. АСЕЕВ

Рис. В. Фридкина

К вопросу о бдительности.

ЗАГОВОРИЛИ о женщинах. Говорили о красавицах, об умницах, об ангельских характерах. Некоторые даже читали стихи: «Я помню чудное мгновенье» и «Средь шумного бала, случайно, в тревоге мирской суеты...»

— Да, уж эта суета оует—многим людям она напортила!—вздыхнул Карпыч.—Нет, стихов я не знаю, но про свою старуху всё-таки могу рассказать, поскольку все говорят о женщинах, а она как раз тоже женщина. В молодости она была, вот именно, «как гений чистой красоты», потому, собственно, я и женился. А затем уж у неё к чистой красоте прибавились всякие хозяйственные таланты.

Жили мы в дачной местности, свой домик под голубой крышей. Летнее дело—кругом подсолнечники и маки, на огороде всякая овощь; малина, бывало, прямо замучает, только поспевай обирать.

А в зимнее время у нас, кроме чистой и белой природы, огурчики своего засола, окорочок, ну и, разумеется, настойки не меньше трёх сортов.

И всем этим хозяйством по праву гордилась моя Федосья Антоновна. Так и жили. Но вот не очень давно она у меня заскучала. День скучает, два скучает, а на третий говорят:

— Я хочу съездить в город, на рынок.

— Ай чего не хватает?

— Наоборот, сама продать кой-чего хочу.

«Ну,—думаю,—дело доброе, отчего же с людьми не поделиться за сходную цену, если всего в избытке». Но Федосья Антоновна говорит:

— Ничего подобного. У меня товар перво-сортный, и я за него хочу втридорога.

И уехала. Под вечер возвращается домой, пустой кошелёк на стол кидает. «Ну,—думаю,—слава богу, экспедиция не удалась! Не тут-то было! Деньги-то, оказывается, у нее не в кошельке, а в корзинке, потому что в кошельке не поместились! Мне даже стало как-то не по себе:

— Федосья Антоновна, ведь наша продукция, пожалуй, того и не стоила?

— Ан, значит, стоила!

И вот тут-то оно и началось. Сели мы ужинать. Гляжу: Федосья Антоновна с меня глаз не спускает, воззрилась, как всё равно художник на предмет. А утром, за завтраком, опять та же история и опять же—за обедом... Я поинтересовался:

— В чём же, собственно, дело?

— А в том,—говорит,—что я в уме подсчитываю: пятью пять—двадцать, да срок, да тридцать восемь... Нет, нет, у меня просто голова отказывается работать!

Я говорю:

— У меня тоже отказывается. Какие это такие пятью пять?

— Ах, очень обыкновенные! Салату пучок пять рублей стоит, а ты их, по-моему, дай тебе, конечно, бог здоровья, штук пять уж

скушал. А яйца варёные, знаешь, почём? А картофель молоденький? Вот ты его как раз вилочкой разминаешь... Разминай, разминай, ничего, я уж лучше отвернусь! Про куриную ногу я и не поминаю. Если ещё и её сюда же присчитать, то у меня начнётся сердцебиение. Шутка сказать: в один присест такие деньги слотнуть! Да ты кушай себе на здоровье. Это я так, просто сложением в уме занимаюсь.

Ясное дело, что у меня после этого «сложения» совершенно пропало желание разминать картошку. Сажу я и, как будто поражённый громом, общипываю лепестки мака из букета. И вдруг замечаю, что Федосья Антоновна опять с меня глаз не сводит.

— Что ещё такое?

— А то, что эти городские, прямо как сумасшедшие, на цветы бросаются. Вот такой букетик, который ты общипываешь,—ничего, нячего, общипывай, не стесняйся!—такой букетик, во всяком случае, не дешевле шести рублей стоит. Шестью десять...

И пошла! А на другое утро просыпаюсь—под окошком маков больше нету, на грядках не осталось больше салата, а в доме под голубой крышей нет моей Федосьи Антоновны. Стало быть, смоталась на базар с утра пораньше.

И вот тут-то как раз мне и принесли извещение райвоенкомата. Сходил я туда мыгом, вернулся и—процайте, мол, ухожу в армию, вот вам и пятью пять. Гляжу, на глазах у моей Федосьи Антоновны слёзы, кинулась мне подорожники собирать, но я говорю:

— Принципиально не возьму, а то ты сейчас в уме считать начнёшь...

Может быть, и нехорошо я это так сказал, но всё-таки сказал. И ушёл. Однако сердце—не камень, с дороги послал открытку и адрес.

Да, так вот теперь я имею от неё третье письмо. В первом письме пишет: очень, дескать, скучаю и одно утешенье себе нахожу на огороде, стараюсь, чтобы всё произрастало. «Ну,—думаю себе,—эти старания мы знаем, для чего, это всё попрежнему—пятью пять и так далее!» Во втором письме сообщает, что она кое-что надумала, а в третьем вот, пожалуй, полюбуйтесь:

«Урожай с огорода очень нынче богатый, и решила я так: оставляю себе на зиму обеспечение, а весь избыток отдаю для Красной Армии. Может быть, и тебе попадётся мой огурчик. Ну а если не обязательно мой, то может быть, чей-нибудь ещё, потому что у нас в посёлке многие отдают от чистого сердца...»

Карпыч аккуратно сложил письмо и сказал:

— Приятно мне, братцы, потому что за последнее время никак я не предполагал, что у моей Федосьи Антоновны, у этого бывшего гения чистой красоты, где-то там обнаружится такое чистое сердце. И это после всей мирской суеты, когда у неё на первом плане было обязательно пятью пять!

В. КАРБОВСКАЯ

НЕПРИЯТНЫЙ КАЗУС

Я ЧЕЛОВЕК чистоплотный, поэтому редко ложу в баню.

Очень уж там грязно, в нашей районной бане. Но вчера пришлось сходить: дома не оказалось горячей воды.

Картина знакомая. Наплёвано, насорено. На диванчиках простынки такие, что голым телом к ним прикоснуться опасно.

Все моющиеся граждане громко протестовали. Особенно шумел один высокий и вполне культурный мужчина. Мы с ним из одной шайки мылись ввиду того, что шаек мало и персональную шайку ухватить трудно.

— Вы только вдумайтесь!—кричал он.—Грязь в бане! Грязная баня! Ведь это всё равно, что «горький сахар» или «деревянное железо»! Белиберда!

— Верно!—поддакивал я.—За такое дело греть надо!

— Ещё как надо! И не только медких банщиков, а всех, кто за это отвечает.

— Заведующего баней!
— Правильно!
— Заведующего трестом
— Правильно!
— Заведующего райкомхозом!

— Точно!—крикнул мужчина и стал сердито намывать себе голову.

И вдруг он резко выпрямляется, вскидывает намывленную голову и, грозно глядя на меня, произносит ледяным голосом:

— Слишком много себе позволяете, граждане!

— А что такое,—спрашиваю,—случилось?

— А то случилось, что я и есть заврайкомхозом и не допущу!

— Но ведь не я крыл, а вы крыли. А я только поддакивал.

— Я—другое дело. В порядке здоровой самокритики. А посторонним не позволю!

И, забрав шайку, голый и величественный, пошёл от меня прочь.

О. БРИК

ТАКАЯ ХВОРЬ

К НАЧАЛЬНИКУ вошёл кладовщик Сусликов и зарыдал.

— Ты что, пьян? — спросил начальник.

— Это бы хорошо, — сказал Сусликов. — Так ведь нет! Хвораю я, товарищ начальник.

— Поди возьми бюллетень и отлежись. Жар есть?

— Нету. А лучше бы я огнём пылал.

— Да что за хворь?

Сусликов безнадежно покрутил головой и воскликнул:

— Такая хворь навалилась! Клептомания.

— Гм... — сказал начальник. — Ты, вот чего, заходи ко мне через час, а то сейчас мне недосуг.

— Он был человек здоровый, болезнями не интересовался, но ему не хотелось показать Сусликову, что он про клептоманию не понимает. Он велел разыскать том энциклопедии на «КЛЕ»; нашёл слово, начал читать: «Патологическое влечение к воровству, сопряжённое с неодолимой потребностью привести это стремление к исполнению... Обычно такое влечение сопровождается настроением тревожно-тоскливого характера... и чувством удовлетворения и облегчения по выполнении его...»

Вошёл кладовщик.

— Садись, товарищ Сусликов, — предупредительно сказал начальник, чего с ним сроду

не бывало. — Она у тебя не заразная?

— Нет, — уныло сказал Сусликов.

— Как это у тебя выражается-то? Помногу или помалу?

— Да нет, товарищ начальник, другой раз на такую малость потянет — самому смешно. Но вот тянет и тянет! А как, значит, стянул, так и успокоился.

Начальник посмотрел на том энциклопедии и сказал:

— Правильно. Ну, что ж, брат Сусликов, это очень даже с твоей стороны похвально, что ты поставил в известность. А то мало ли чего людям может показаться. А мы к тебе чуткость проявим, окружим вниманием. В общем, не унывай, ступай к себе, — и он подал Сусликову руку, чего тоже сразу не делал.

Вчерашний день Сусликов вынес со склада пакет. Из пакета тянуло мылом. При этом глаза у него были печальные. Нынче он принёс на работу пустую банку. Скорее всего, его потянуло на керосин.

Некоторые косятся и даже выражают по этому поводу свои мысли, но общественность таких одёргивает:

— Будьте сознательны, граждане: раз у человека такая хворь!

В. АНДРЕЕВА

ИЗ ЦИКЛА ПОРТРЕТОВ «НЕ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Рис. В. Горяева

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

После ранения на фронте попал я в город Тюмень. Здесь проживают три моих тётки и одна бабушка — итого четыре родственницы. Естественно, мне захотелось их повидать. Так как двигаться врачи мне запретили, я письменно запросил через адресный стол адреса моих родичей; подробно описал их приметы и авансировал стоимость справки, вложив в конверт 3 рубля.

Прошло 15 дней — ответа я не получил. Тогда я повторил свою попытку — и снова зловещее молчание.

Я пустился на хитрость и сделал телеграфный запрос своей матери в Ленинград. Через двенадцать дней мои родственники, проживающие в Тюмени, навестили меня.

Умудрённый опытом, я не стал уже наводить обычным путём справок о том, почему два моих запроса остались без ответа. На этот раз я делаю запрос через Москву при твоём посредстве, уважаемый Крокодил. Так будет вернее...

А. НИКОЛАЕВ

Товарищ Крокодил!

Ещё зимой начальнику коммунального отдела Лысьвенского завода тов. Ушкацу поручили выдворить клопов из рабочих общежитий. Ушкац взялся за дело с присущим ему пылом. Уже в июне были готовы подробные инструкции, проекты категорических резолюций для всякого рода собраний, лозунги и памятки отдельно для комендантов и отдельно для жильцов.

Клоп занял почётное место в работе коммунального отдела. Ушкац развернул кипучую деятельность и уже в июле приступил к дезинфекции I (одного) общежития. Дезинфекция продолжалась две недели. После этого последовала оперативная пауза для подготовки штурма второго общежития.

Учитывая, что в лысьвенских рабочих посёлках несколько десятков общежитий, а

дезинфицировать их можно только летом, надо полагать, что тов. Ушкацу всё же удастся осуществить задуманную операцию через несколько лет.

Как ты сам понимаешь, это будет событие исключительной важности. А потому попроси Ушкаца обязательно тебе об этом рапортовать — скромничать тут нечего.

Город Лысьва

В. КОМАРОВ

Дорогой Крокодил!

Ну что за весёлый человек — Куманейкин! Баллаур, затейник, выдумщик!.. Ну прямо — душа общества... Посмотрел бы ты, как он ловко танцует „Яблочко“, лёжа на спине. Или как натурально изображает в лицах „заседание прокуратуры“. Прямо животики надорвёшь от смеха!..

Не веришь, спроси рабочих Козловской МТС. Они собственными глазами видели, как Куманейкин, приехав в МТС по делам, среди бела дня напился и, к удовольствию всех присутствующих, изображал „заседание прокуратуры“ и танцевал „Яблочко“ без отрыва от земли.

И такой человек прозябает в скромной должности помощника прокурора! Ну, прямо жалко смотреть, как гибнет талант!

М. МОРСКОВ

Посёлок Козловка на Воле,
Чувашская АССР

Уважаемый Крокодил!

Если у тебя в нашем театре оперетты откажутся принять на вешалке калоши и зонт, не скандал. Входи в зрительный зал в калошах и с раскрытым зонтом. Ты от этого только выиграешь.

Вот, например, у меня с женой не приняли калош и зонта, ссылаясь на то, что вешалка принимает мелкие вещи только вместе с пальто. Не приняли — и не надо. Пошли в калошах и с зонтом. Правда, сначала чувствовали мы себя довольно неловко, но когда (не по ходу действия) с потолка посыпалась шуткатурка и полила вода, мы раскрыли зонт и продолжали спокойно, с удобствами смотреть спектакль на зависть другим зрителям.

А. и Е. КОНДРАТЕНКО

Город Челябинск

ОТКРЫТЫЙ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ

— По телефону неудобно говорить...
Ну, в общем, понимаешь: я сначала Сыпучее на жидкое сменяла,
Но этого, конечно, было мало,
И мне пришлось жирами доложить.
Ну, в общем, эта вещь... ты понимаешь?..
Она теперь твоя... Но ты решай сама!
Желающих на эту штучку — тьма!
Ты в крайнем случае то синее сменяешь,
И я смогу тебе зелёное добыть...
По телефону неудобно говорить...
Тот адрес я тебе давным-давно узнала,
Но этот человек теперь уже не там;
А тот, другой, который делал нам,
Он стал теперь ужасный обдирала,
И с ним, пожалуй, каши не сварить...
По телефону неудобно говорить...
Ну, в общем, принеси тот беленький

пакетик,

А доплатить придётся пустяки.
Я не люблю всех этих арифметик —
Добавь мне просто пудру или чулки.
Да! Не забудь ещё прислать мне эти банты!

Я их хочу той даме предложить.
А в общем стало очень трудно жить!
Кругом одни сплошные спекулянты!..
По телефону неудобно говорить...

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ЧЕСТЬ ИМЕЮ ВАС ПОЗДРАВИТЬ...

Берлинское радио уже после падения Муссолини праздновало его 60-летие. Гитлер послал ему приветственную телеграмму.

2

Подкрепленья вы просили,
Но, полёрши напролом,
Трепыхаясь я в России
Мокрой курой под Орлом.
Ваших дел мне не поправить,
Так что — действуйте один!
Чсть имею вас поздравить
Со днём ваших именин!

Слышал (страшно и представить!):
Рим бомбят, Милан, Турин...
Чсть имею вас поздравить
Со днём ваших именин!

1
Вас приветствую, Бенито,
Жарко, — хоть издали,
Наша дружба нам нужна,
Неразрывна и крепка.
Вам Германия — сестра в войну:
Дух один и путь один!
Чсть имею вас поздравить
Со днём ваших именин.

3

Слышал: ваш народ не в духе
(Я надеюсь, — это слухи!)
И стремится (ходят слухи)
Из фашистов выбить дух!

4
Мчатся тучи, вьются тучи,
и «Атмосфера горячая»
Хорошо бы вместе, дуче!
Нам задать бы стрелочка!
Но куда свой путь направить?
Нет нигде для нас «малин».
Чсть имею... вас поздравить...
Со днём... ваших... именин!

Телеграмму перехватил
Николай АДУЕВ.

Рис. Ю. Ганфа

— Орёл!.. Белгород!.. Летом!.. Как снег на голову!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, М. ЗОЩЕНКО, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-33-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП (б) „Правда“.
Москва. Изд. № 507. Подписано к печати 14/VIII 1943 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.
А 1428. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2143. Тираж — 100 000 экз.

16/43

Handwritten signature or initials.